

6. Следует отметить, что и «цивилизационный» и «ментальный» подходы всегда использовались ведущими представителями истматовской теории истории. В том числе и для анализа текущей политической практике.

Так, ленинская теория революции в России строилась на цивилизационном подходе не в меньшей мере, чем на формационном. Сразу после Февральской революции Ленин прямо говорил о том, что взять власть в России большевики смогут только потому, что основная масса российского населения выступает против института частной собственности на землю. Менталитет российского крестьянства был цивилизационной особенностью России, которая и учитывалась Лениным как важнейшая социально-политическая предпосылка для социалистической революции в России.

ЛИКИ И СОДЕРЖАНИЕ ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОСТИ

Л.А.Булавка (Москва)

Одна из центральных теоретических проблем, поднятых Г.В.Плехановым – это вопрос о роли личности в истории. Рассматривая эту проблему, Г.В.Плеханов

вскрывает одно из важнейших противоречий: историю, исторические события творит народ, а образ им придает та или иная историческая личность. В связи с этим возникает вопрос, при каких условиях возможно, чтобы история обрела «лицо» своего непосредственного субъекта?

И здесь мы выходим на другое противоречие: человек всегда в той или иной мере раб истории, вкладывая в это тот смысл, что индивид есть некая функция господствующих общественных сил. Это с одной стороны. С другой - человек является творцом той же истории, понимая под этим творчеством тех или иных форм общественных отношений.

Возникает вопрос: какова мера этого соотношения (рабского и творческого бытия в истории) для индивида, той или иной социальной группы, человеческого сообщества в целом в те или иные исторические эпохи. Именно мера разрешения этого вопроса в рамках той или иной общественной системы определяет и меру становления ее гуманистичности.

Рассмотрим решение этого противоречия на трех исторических изломах: эпоха Возрождения, Советский проект и альтерглобализм.

Самоутверждение индивида как субъекта творчества, составляющее суть гуманизма Ренессанса и Советской культуры, в то же время являлось основой возникновения и развития достаточно острых противоречий уже самой реальной общественной практики каждой из этих эпох. Утверждение принципа субъектности (в Ренессансе – в области культуры, в системе «реального социализма» - в культуре и истории) нередко сопровождалось попытками (часто не безуспешными) подавления связанных с этим общественных (как индивидуальных, так и коллективных)

интенций силами господствующего института власти (через механизм церковной инквизиции или же сталинских репрессий).

Революционность и Ренессанс, и Советской культуры заключалась в том, что обе этим эпохи стояли на пути человеческого самоутверждения, только в первом случае – стихийного, а во втором – уже сознательного. Неслучайно, искусство этих двух разных эпох востребовало общий для них героический и даже титанический, жизнеутверждающий образ Человека, явившийся нам в художественных образах, только в одном случае представленных в творениях Микеланджело, а в другом – скульптора В. Мухиной. Их образы в полной мере отвечают представлениям одного из самых ярких представителей Ренессанса Леона-Баттиста Альберти о предназначении человека: «...Будь убежден, что человек рождается не для того, чтобы влачить печальное существование бездействия, а чтобы работать над великим и грандиозным делом»

Но и Ренессанс, и Советская эпоха показали предел человеческого совершенства и тем самым трагедию отдельного человека. «Трагедия – не только завершающийся, но и исходный пункт Ренессанса»¹ - эти слова К.М.Кантора в полной мере можно отнести и к истории «реального социализма». Понятие «трагедия» всегда присуще только такому типу культуры, которая исходит из гуманистического идеала. Отсутствие «человека» как понятия, идеи, образа, идеала изымает из культуры собственно и само человеческое понятие - «трагедия», что мы и наблюдаем на примере постсоветской культуры.

Альтерглобализм как новый тип социального движения возник в результате разрешения определенных противоречий процессов глобализации и в первую очередь, проблемы творческого принципа общественного бытия индивида как субъекта. В то же самое время, данное движение явило свои внутренние противоречия как имманентные противоречия самих альтернатив современному миру отчуждения, и в первую очередь, противоречия осуществления субъектности индивида в практике альтерглобализма.

Это в очередной раз доказывает, что данное движение является живым, а не политически сфабрикованной структурой.

Индивид, творящий, хотя и противоречиво основы своего общественного бытия - это не только сущность альтерглобализма, но и альтернатива «человеку скучному» - типичной фигуре эпохи массового потребления, массовой культуры, средств массовой информации.

Новый человек альтерглобализма - это активная, коммуницирующая в режиме диалога, веселая индивидуальность, которая стремится к осуществлению себя как «*Personlichkeit*» в логике *социального творчества*. Анализ проблемы становления субъектности индивида через развитие противоречия «*Человек – творец Истории; Человек – раб Истории*» на примере трех социальных изломов (Ренессанса, Советской эпохи и альтерглобализма) объективно выводит на проблему генезиса и развития феномена *Нового человека*.

¹ Кантор К.М. Двойная спираль истории. М., 2002, с.440

В тоже время это позволяет нам увидеть историческую диалектику становления одной из центральных категорий гуманизма на этих исторических изломах, которую можно представить следующим образом: от идеалов *свободы* Ренессанса через идеал *освобождения* Советской культуры к *самоосвобождению* альтернативных движений глобализации. Эта диалектика и является важнейшей предпосылкой того, что, наконец, исторические события смогут обретать лик своего субъекта.

С одной стороны, эпоха *Ренессанса* рождает мощную культуру (Данте, Микеланджело, Рабле и др.), до сих пор несущую в себе идейно-эстетический вызов человечеству.

С другой - эпоху Ренессанса характеризует действие института инквизиции, гражданские войны.

А что получилось в результате?

С одной стороны, Ренессанс – это порыв к гуманизму (в эпоху инквизиции и гражданских войн), утверждающий понимание *человека* как титана, соотносимого с Богом и творящего истину и красоту.

С другой – эпоха Возрождения продемонстрировала провал попыток ухода от социальной несправедливости, сословного неравенства и феодально-церковного авторитаризма, раздробленность страны.

Используя выражение философа Фукуямы, можно сказать, что мощные исторически интенции Ренессанса претерпели конец. И подтверждением этого могут служить то обстоятельство, что утопические попытки движения к свободе личности, к демократии, к рынку доказали свою ограниченность и более того – бесплодность.

Попытки осуществления *Советского проекта* показали следующее: с одной стороны, мы имели значительные достижения как в сфере материального, так и идеального. Вот лишь некоторые из них.

- Новый опыт движения к социальной справедливости.
- Победу *Нового человека* (= советского) в борьбе с фашизмом в Великой отечественной войне.
- Создание нового типа культуры – советской, являющейся не просто частью мирового культурного наследия, но именно всемирной формой культуры.
- Прорыв в сфере науки (первый полет человека в космос) и образования.

В тоже время осуществление советского проекта было связано с негативными, а зачастую - трагическими последствиями:

- преступления «голового» активизма в виде сталинского Гулага и «застойных «психушек», а также в виде повседневного бюрократического «заматывания» общественных инициатив, ведущего к уничтожению феномена *Нового человека*;
- распад СССР;
- деградация креатосферы с его субъектом – *Новым человеком*;
- торжество обывателя, утверждающего и не только в сфере культуры господство частного интереса.

Заключая данную работу, можно сделать следующие выводы:

- Активизм творца, переходящего границы объективно возможных и необходимых прогрессивных изменений, ведет к волюнтаризму, вырождающемуся в пандемию насилия.

- Пассивность конформиста в эпоху назревших перемен рождает скуку закатывающейся истории, оборачивающуюся для человеческого сообщества социальной «чумой» фундаментализма разного рода.

- «Средства» социального творчества не могут иметь формы более отчужденные, нежели его цели; движение к свободе не может осуществляться при помощи институтов подавления свободы.

О ПОМЕТАХ Г.В.ПЛЕХАНОВА НА КНИГАХ С.Ф.ПЛАТОНОВА

Х.Сакамото (Токио)

В Доме Плеханова сохраняется три книги Платонова, принадлежавшие Плеханову и записанные его пометами: «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник», «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и словесных отношений в Смутное время)» и «Лекции по русской истории»(1), и еще тетрадь(2), в которой Плеханов записал заметки, читая вторую книгу. Эти материалы помогают нам выяснить, как он относился к историческому взгляду Платонова. В тетради под номером 193 Плеханов пишет: «286.-Значение подкрестной записи Шуйского. Оч. важно»(3). А в 286-ой странице книги «Очерки по истории смуты ...» Плеханов отмечает боковой линией и знаком NB строки: «Дело разъяснится, если мы станем на ту точку зрения, что «запись» царя Василия есть не договор царя с боярами, а торжественный манифест нового правительства, скрепленный публично присягою его главы и представителя. Царь Василий говорил и думал, что восстанавливает старую династию и старый порядок своих прародителей «великих государей». Старый порядок он понимал так, как понимали люди его круга - родовитая знать, княжата, задавленные опричиною и теперь поднявшие свою голову». В своем труде «История русской общественной мысли» Плеханов, отклоняя взгляд Ключевского на подкрестную запись Шуйского, что она явилась плодом сделки бояр с новым царем, пишет: «Гораздо более вероятным представляется мне тот взгляд профессора Платонова, согласно которому подкрестная запись царя Василия вовсе не была ограничительной, а являлась только торжественным манифестом нового правительства, скрепленным присягою его главы»(4). Из этого видно, что во взгляде на подкрестную запись Шуйского Плеханов стоял ближе к Платонову, чем к Ключевскому. В странице 287-ой книги «Очерки по истории смуты ...» Платонов пишет: «Так в записи царя Василия выразилось настроение аристократического кружка, владевшего тогда Москвой и думавшего править государством. Желая вернуть дворец и государство к давно утраченным аристократическим тенденциям, этот кружок ...». Эти строки Плеханов отмечает боковой линией и знаком NB и делает к ним заметки: «287 - NB. Вполне верно»(5). С этой точки зрения Плеханов в труде «История русской общественной мысли» критически относится к мнению Ключевского, что воцарение Шуйского составило эпоху в поли-